

Татьяна АГАПОВА,
г. Санкт-Петербург

ПОРТРЕТ С УЛЫБКОЙ

*1 сентября исполняется
90 лет со дня рождения
Виталия Семеновича Маслова*

* * *

Он всегда носил с собой пухлую записную книжку, в которой тесненько значились имена, фамилии и телефоны предполагаемых им помощников, союзников и единомышленников. И если человек попадал в этот список, ему уже было не отвертеться.

— Татьяна, он всех заставляет на себя работать. Хочешь не хочешь, а заставит! — негодовала профессор Мурманского пединститута Людмила Тимофеевна Пантелеева.

И это действительно было так. Маслов обладал уникальной способностью всех попавших в его поле зрения приобщать к реализации своих идей. Вдохновляя и увещевая, просвещая и убеждая, воздействуя своим авторитетом и непоколебимой убежденностью в правоте замысла, хитрецей и открытым взыванием к совести и чести, исподволь и неукротимым напором. А по административным и партийным инстанциям ходил и в штывовую. Но чаще всего человек

даже объяснить не мог, как так у Маслова получается.

А без этого все преграды сокрушающего дара разве удалось бы ему осуществить невозможное? Еще в советское время, под прикрытием Дней Баренцева моря, провести в Мурманске первый возрожденный в России День славянской письменности и культуры. Во «главе» со святыми равноапостольными братьями Кириллом и Мефодием. Какие святые, какие славяне?! Это в 1986 году! А ведь получилось! И через пять лет праздник был признан на государственном уровне.

А тогда, в 86-м, Маслов опирался, в первую очередь, на школьных учителей (к ним у него вообще отношение было особое: говорил, они наше будущее воспитывают), сумел привлечь преподавателей пединститута, библиотекарей. Нашел весомую поддержку и за пределами края — у писателей Москвы, Вологды, Великого Новгорода, других городов. В Мурманске же ближайшим единомышленником и соработни-

ком был Виктор Леонтьевич Тимофеев, возглавлявший в то время областную писательскую организацию.

А затем из Болгарии приехали бронзовые Кирилл и Мефодий и встали на постамент перед Мурманской областной научной библиотекой. Точная копия установленных в Софии перед зданием Национальной библиотеки, дар болгарского народа Мурманску, возродившему в России славянский праздник. Спросите, а при чем здесь Маслов: болгары решили, болгары подарили. А при том, что это он болгарским товарищам, пожелавшим воздать честь и хвалу лично мурманским подвижникам, закинул удочку: а вы лучше городу памятник, как у вас, подарите...

Так в 1990 году создателям славянской письменности первый в России памятник появился, коих теперь много. А площадь с ним, поименованная в честь Первоучителей, стала центральным местом проходящих в Мурманске 24 мая Дней славянской письменности и культуры.

Ну а дальше пошло-поехало... Свой «корабль» на колесах с названием «Славянский ход Мурман–Черногория», с писателями, учителями и общественниками на борту, в октябре 97-го Маслов провел от северного берега России до Балкан. И этот Ход не остался единственным — ученики и единомышленники продолжили уже по другим маршрутам. По масловскому рецепту завязывая контакты и связи — ниточки единения людей, близких по духу.

В его круговороте идей и дел не было останков. И главный прицел — на будущее: воспитывать подрастающие поколения в любви и преданности своему, родному. Тем более, когда наступившее время от этого родного всеми силами пытается отсечь. И он проложил один из путей сопротивления — областные конкурсы для школьников «Храмы России» и «Берег России». И вместе с наставниками-учителями повел по нему сотни юных северян. Для первых конкурсов сам продумывал темы по истории и культуре России и Кольского края. Сейчас ставший единым областной конкурс «Храмы России» носит имя Маслова.

Когда его морская стезя и работа на атомоходе «Ленин» завершились, Виталий Семенович возглавил областную писательскую организацию. Вместе с этим взвалив на себя и

основной груз работы с молодежным литобъединением.

И именно Маслов в начале 90-х затеял издание сборников начинающих — серию «Первая книга поэта». Все вокруг рушится, как выживать, неизвестно, а он — книги! Это тоже казалось невозможным. Но только не для него. И книги увидели свет. Да не паратройка. Невеликого формата, в простеньких белых обложках, но они состоялись. Как масловский вызов времени: «Врешь, не убьешь!» Среди авторов были Дмитрий Коржов, Дмитрий Ермолаев, Николай Васильев, Марина Чистоногова, Татьяна Агапова, Александр Попов, Александр Рыжов, Викдан Синицын, Надежда Новоселова, Леонид Коновалов, в дальнейшем пополнившие писательское сообщество. Новые поэтические сборники, уже вторые, вышли тогда у Николая Колычева и Игоря Козлова. А следом — прием в Союз писателей. Позднее, в 2000-х, уже после ухода Виталия Семеновича из жизни, масловская серия «Первая книга поэта» найдет свое продолжение.

Для нас, литературной поросли, его авторитет был непререкаем. Однако отстаивание своего мнения, при том же обсуждении рукописей и книг, было в порядке вещей. И споры разгорались, и обиды. Причем обоюдные. Но всё вроде как с отцом родным. А между своими чего не бывает...

Сидим как-то на лито большим кругом, а посерединке возвышается Виталий Семенович, говоря о серьезном, о литературе. И вдруг за его спиной раздаётся голос:

— Ой, пусенька какой...

Маслов в яростном развороте устремляет испепеляющий взгляд... И видит, как к котенку в руках какого-то забредшего на лито юнца тянутся и другие руки. Пара минут молчания — Маслов дает нам погладить пушистика. А затем, все еще свирепо, но уже подобревши, свирепо выдает:

— Ну!.. Де-ти!..

После чего, возвысив голос, продолжил о большом и высоком.

Он и относился к нам как к своим чадам. Ни сил, ни времени не жалел на работу с нашими писаниями, помогая расти творчески, а бывало, помогал и житейски.

А уж о ком пекся и за отца родного, и за няньку, так это о Колычеве. Грозой надвигался на Николая за все его хмельные выходки, но в итоге прощал. Ибо знал цену колычевскому таланту, большому таланту.

Тянулись мы к Маслову как к магниту. Не случайно кто-то назвал молодежный масловский круг «маслятами». Однажды после лито, на котором Виталия Семеновича не было, выйдя на улицу, мы решили не расходиться, а вчетвером нагряться к нему домой. Он встретил внезапных гостей, не моргнув глазом. Однако сразу дал понять, что попусту время терять не даст, не на блины явились. Усадил и предложил читать наизусть стихи — но не свои, а любимых поэтов. Да и сам присоединился, читал Ольгу Берггольц. Правда, угощением нас все же не обошли. К столу была подана отменно приготовленная рыба, запеченная по-поморски в глиняной латке.

Вместе с Масловым и другими мурманскими писателями мы, начинающие, объездили весь свой край. Школы, библиотеки, Дома культуры принимали литературный десант, и это была живая связь с читателями. А для Виталия Семеновича еще и неустанным расширением круга единомышленников. Его записная книжка пополнялась всё новыми именами.

Но самой незабываемой стала поездка на Соловки. В это сакральное и трагическое для нашей страны место Виталий Семенович повез ребят — победителей конкурсов «Храмы России» и «Берег России». Взял с собой их наставников-учителей и нас, литературную поросль. Особенно радовался тому, что и самому удалось, и молодежь смог привезти поклониться святому Феодориту Кольскому, упокоенному в Соловецкой обители. Кстати сказать, огромный деревянный крест Феодориту, установленный на мурманском берегу в старинной Коле, рублен Масловым собственноручно.

А на Соловках стоим у древних стен, главный наш говорит вдохновенно. И столько в нем по-детски живого, искреннего ликования — не в словах, конечно, а изнутри светится... А сам к нам в профиль — живот и борода вперед. Я не удержалась, говорю Диме Коржову:

— Слушай, Маслов мне напоминает такого карапуза лет пяти... но с бородой.

Дмитрий согласно закивал, улыбаясь. Как отреагировал бы Виталий Семенович, услышав

это, не знаю. Но скажу, что при всей глыбости монолитной для шуток и подковырок незлобивых был легко проникаем. Да и сам выдавал очень даже не редко.

Как-то приближаемся к нему: я, худа-тоща, и увесистая Надежда Большакова. Маслов смотрит на нас и молчит. И вдруг — задумчиво так, мечтательно — произносит:

— Эх!.. Вас бы вместе сложить... А потом — поделить!

И масловская улыбка — в окаймлении непокладистыми, как и их носитель, усами и бородой — была нам известна не меньше, чем проникающий, пыливый взгляд.

Благодаря Маслову побывали мы и на атомоходе «Ленин», познакомились с его знаменитым капитаном Борисом Макаровичем Соколовым. Тогда как раз решалась дальнейшая судьба первого в мире атомного ледокола, у которого все его ледовые мили остались уже позади. И Виталий Семенович был в числе зачинщиков установки покорителя арктических пространств на вечную стоянку у мурманского причала — не допустить его утилизации, а создать на нем своего рода уникальный музей. Битва за ледокол усилий стоила немалых, но итог известен: легендарный атомоход — одно из самых посещаемых экскурсионных мест столицы Кольского Заполярья, столицы русской Арктики.

Мастер был осуществлять невозможное. Но самым невозможным оказалась его внезапная смерть. Маслов, и вдруг — его нет?! Нас словно враз накрыло неподъемной плитой. И тяжесть этой утраты даже сейчас, спустя почти четверть века, не отпускает.

А он продолжил нам открываться. При жизни был известен читателю как прозаик — автор многих замечательных рассказов, романов и повестей. Выходец из архангельских поморов, из своей родной деревни Сёмжи, по убеждениям и взглядам близкий тому кругу отечественных писателей, для которых умирающая русская деревня была неутраченной болью всей жизни.

И уже после его ухода мы узнали Маслова-поэта. Сам он никогда не упоминал о том, что в молодости писал стихи. А они ведь — хороши, самобытны. И это стало открытием. А одно из них, обращенное к сыновьям, — еще и своеобразным масловским завещанием.

СЫНОВЬЯМ

Для нас, сыны, была б безликой Родина,
 Не будь родного уголка в России.
 Что б ни было, где б мы ни колесили,
 Необходим нам свой погост, поскотина,
 Где наш отец и прадесятый дед
 И стадо пас, и в жизнь пути высматривал...
 Придет пора, придет, сомнений нет:
 Взъерошит шторм Крестителя лохматого
 И, смявши заграждения с фарватера,
 Накроет вас, подхватит, кинет в свет!
 Так вы уйдете... В космос или за море...
 Но час пробьет, и как-то на бегу
 Поймете вдруг, что ходите на якоре,
 Забытом на отцовском берегу.
 Слабей, сильней, но держит он всегда.
 И вы поймете, парни, обязательно,
 Что якорь тот — не привязь, не беда,
 Что трос его для нас — конец спасательный.

Не может русский Родину забыть,
 Пока не перестанет русским быть...

В краю родном, так представлялось мне,
 Над якорями — дерево могучее.
 И я кружил, кружил по стороне,
 Виток к витку на ствол канат накручивал.
 И хорошо, что есть всему предел...
 Где б я ни плыл, я верил в возвращение.
 И счастлив тот, кто к старости сумел
 В том устье встать, где принимал крещение.
 Все может быть — пустеть наш край и цвель,
 Но если даже заросли погосты, —
 Есть к ним тропа — и в мире мы не гости,
 И не безродны, если память есть.

Он и вернулся. Обретя вечный покой в той земле,
 откуда родом. В своей Сёмже.

Татьяна Павловна АГАПОВА

уроженка Кольского Севера, жила в Мурманске, сейчас —
 в Санкт-Петербурге. Поэт, журналист. Член Союза писателей России
 и Союза журналистов России. Автор семи поэтических книг.
 Стихи публиковались в журналах «Север», «Двина», альманахах «День
 русской поэзии», «Площадь Первоучителей», «Мурманский берег».

Лауреат премии губернатора Мурманской области

за вклад в культуру Кольского края.

